

Глава 4

Деревня Уси. Берег реки

Юань Цзинцуй в это время была у реки вместе с остальными женщинами. Занимаясь стиркой, она не упускала случая в очередной раз посетовать на судьбу: стоило её деверю, младшему в семье Ши Синсяню, отойти в мир иной, как забота о Су Лине легла на её плечи. Она причитала, что гээр с детства рос избалованным и нежным, и теперь она места себе не находит, боясь, что в её доме бедняжке будет не хватать привычного комфорта.

Окружающие в один голос сочувствовали ей. Они твердили, что женщина и так сделала больше, чем должно: полмесяца выхаживала племянника, не отходя от его постели. По их мнению, лучшей тётушки и желать было нельзя.

Юань Цзинцуй лишь тяжело вздыхала. Она жаловалась, что пыталась подыскать Су Лину достойную партию, но тот лишь воротит нос от деревенских парней. Где же ей, простой женщине, найти ему мужа в городе?

Она продолжала свою волынку, пока не заметила, что слушательницы вдруг притихли. Одна из соседок отвернулась, отчаянно подавая ей знаки глазами. Женщина обернулась и замерла: прямо за её спиной стоял Су Лин.

— Где же ты пропадал? — в её голосе не было ни капли смущения, лишь напускная забота. — Мы с твоим старшим дядей места себе не находили!

Она всплеснула руками, оглядывая его с головы до ног.

— Ох, взгляните на него! Лицо блее мела, краше в гроб кладут. Если и дальше будешь капризничать да от еды отказываться, долго не протянешь. Убежал спозаранку, едва на ноги встал — так и до новой болезни недалеко. Как же я в глаза-то твоим покойным родителям посмотрю?

Бледное лицо Су Лина залил нездоровый румянец — не от болезни, а от клокотавшего в груди гнева. Юноша решил, что время притворства закончилось, и пора сорвать маски.

— Раз тётушка так боится смотреть моим родителям в глаза, что же она не отправится к ним сама и не попросит прощения? — голос его звенел от ярости. — Впрочем, можно и подождать. Праздник Чжунъюань уже на носу, они и сами могут заглянуть к вам в гости.

Юань Цзинцуй опешила. Она выронила валёк для стирки и с преувеличенной тревогой

воскликнула:

— Дитя, что за вздор ты несёшь? Уж не жар ли снова помутил твой рассудок?

Соседки лишь осуждающе качали головами.

— Мы знали, что у Братца Лина характер не сахар, но чтобы так дерзить старшим... Это же просто немыслимо.

В деревне Уси, затерянной в лесистых горах, родовые правила чтились свято. Уважение к старшим было не просто традицией, а незыблемым законом. Никогда ещё в их краях не рождалось столь своенравного и непочтительного гээра.

Но Су Лин не дрогнул под тяжестью их осуждения. Он расправил плечи и заговорил ещё громче:

— Вздор? Я говорю на языке, который вы должны понимать лучше всех. Моя дорогая тётушка, неужели вы забыли, что натворили? К чему этот спектакль? Едва мой отец закрыл глаза, вы уже всё распланировали: решили продать меня этому негодюю из вашего клана, Мяснику Юаню. Хитрый же у вас расчёт!

Юноша обвёл взглядом притихших женщин.

— Пока мой отец был жив, ваша семейка сосала из него соки. Теперь его нет, и вы решили приняться за сына. Вот она — доброта моей «дорогой» тётушки!

— А Лин, что с тобой? — Юань Цзинцуй изобразила крайнюю степень изумления.

Ей вовсе не хотелось доводить дело до открытой ссоры на глазах у всей деревни — в этих краях лицо значило слишком много. Она знала племянника с пелёнок: вспыльчивый, но отходчивый, он всегда был мягкосердечным и послушным. Раньше Су Лин относился к ней с теплотой. Такая резкая перемена могла означать лишь одно — кто-то настроил его против неё.

«Неужели эти тётки нашептали мальчишке гадостей? — Юань Цзинцуй мгновенно заподозрила сестёр покойного деверя. — Наверняка это их рук дело, только они умеют так подливать масла в огонь!»

— Кто наговорил тебе этой чепухи? — выкрикнула она. — Укажи мне на этого сплетника, и я сама с ним разберусь!

— Желающих было предостаточно, — парировал Су Лин. — Или вы думаете, люди слепы?

Насладившись тем, как лицо собеседницы перекосило от бессильной злобы, Су Лин внезапно схватил стоявшего за спиной мужчину за руку и вытянул его вперёд.

— Вы хотели продать меня за десять лянов? Так вот, знайте: я сам купил себе мужчину за два ляна. Теперь ваши планы пошли прахом!

Увидев, что юноша действительно привёл с собой незнакомца, Юань Цзинцуй затряслась от ярости.

«Десять лянов серебра... — пронеслось у неё в голове. — Неужели всё просто уплыло из-под носа? Проклятый мальчишка! Нужно было запереть его, больного, в доме и обвенчать силой, пока он не мог сопротивляться. Куда я только смотрела?»

подавив раскаяние, она снова нацепила маску заботливой родственницы.

— А Лин, если тебе не по нраву жених, мог бы просто сказать. Тётушка никогда бы не стала тебя неволить.

— Неужели? — Су Лин усмехнулся. — А по какому праву вы вообще смеете меня неволить? Вы ведь просто пиявка, присосавшаяся к добру моего отца.

— А Лин! — голос женщины задрожал от притворного негодования. — Если ты продолжишь в том же духе, я не на шутку рассержусь. Когда это наша семья брала хоть грош у младшего брата? Твои слова — наглая ложь! Ты всегда презирал нас, деревенских, но это не даёт тебе права клеветать на ту, что выхаживала тебя из чистой милости.

— Доказательств не нужно, — отрезал Су Лин. — Мы все в одной деревне живём, и каждый знает, кто чем дышит. Ваша семья только и делает, что в поле ковыряется, да и то — сорняки в ваших полях никто не выдергивает, урожай год от года скудный, поля стоят заросшими. Старший дядя, в отличие от других мужчин в деревне, на подработки в город не ездит. Откуда же тогда у вас лучший в деревне дом из синего кирпича? Может, вам небесный покровитель серебром на голову сыплет?

Он сделал паузу, давая словам вонзиться поглубже.

— Покровителем этим был мой отец. Взгляните на свой серебряный браслет, посмотрите на одежду из тонкой чесучи. Кто ещё в деревне может себе такое позволить? Ши Синсянь на каждый праздник слал вам деньги, возвращался всегда с полными руками подарков — это все видели.

Су Лин бесстыдно пересказывал всё, что услышал утром через свой голос сердца. В споре главное — напор, и он твёрдо верил, что правда на его стороне.

— Вы думаете, если молчите, то и люди ничего не знают? Хотите послушать, что о вас болтают за спиной?

Юань Цзинцуй знала, что характер у племянника тяжёлый, но не ожидала, что оставшись без опоры, он станет ещё заносчивее. Уведомления не помогли. Она видела, как соседки жадными взглядами впились в её браслет и рассматривали одежду в тазу.

— Сяо Лин, ты ещё мал и не понимаешь, что творишь. Если ты не замолчишь, мне придётся позвать старосту. Ты притащил в деревню чужака и оскорбляешь старших — это тягчайшее нарушение родовых правил!

Су Лин предвидел этот ход. Он медленно достал из рукава бумагу и развернул её перед самым носом тётки.

— Смертный контракт. Скреплён официальной печатью ведомства, все бумаги в порядке.

Он повысил голос, обращаясь ко всем присутствующим:

— Этот человек — мой раб, купленный на мои деньги. Он принадлежит мне, так с каких пор он стал «чужаком»?

Спрятав документ обратно в рукав так поспешно, словно боялся, что женщина его выхватит, он скрестил руки на груди. Юань Цзинцуй, увидев иероглифы «смертный контракт» и красную печать, окончательно потеряла самообладание.

— Купить мужчину в дом?! Ты понимаешь, что это значит — впустить волка в овчарню? Ты слаб и болен, а он огромен и силён. Если с тобой что случится, как я отвечу перед твоими родителями? Твой отец оставил после себя единственного наследника, он в гробу перевернётся, если с тобой беда приключится!

Женщины вокруг зашушукались. В их взглядах читалось презрение и недоумение. Где это видано, чтобы незамужний гээр сам покупал себе мужчину? Позор на головы предков! Бесстыдник, распутник — кто же теперь возьмёт его в жёны?

Су Лину было плевать на их пересуды. Юноша смотрел на Юань Цзинцуй, у которой от ярости задергалось веко.

— У меня есть деньги, и я трачу их так, как мне заблагорассудится. Не вам меня судить. А что до главы клана — когда я отдохну, я сам попрошу его рассудить нас. И тогда мы посмотрим, насколько толстокожей окажется ваша совесть.

Поняв, что племянника не пронять, Юань Цзинцуй всплеснула руками и зашлась в истощном плаче:

— За что мне это наказание?! Вся моя доброта псу под хвост!

Она завывала во весь голос, но вскоре заметила, что никто не спешит её утешать. Окружающие, среди которых было немало людей из клана Юань, смотрели на неё с нескрываемым любопытством.

«Так вот на чьи деньги они шикавали... — соседки обменивались многозначительными взглядами. — Посмотрим теперь, как она запоёт, когда придётся самой в поле спину гнуть. Без подарков младшего брата их семейка быстро растеряет весь свой лоск»

От этих мыслей Юань Цзинцуй стало по-настоящему горько. То ли от страха перед будущим, то ли от злости, но из глаз её действительно брызнули слёзы.

— Какое дешёвое притворство. Тошно смотреть.

Су Лин не стал дожидаться финала этой драмы.

— Теперь понятно, почему о вас так говорят.

Он развернулся, чтобы уйти, оставив женщину стоять на месте в немом оцепенении.

— Стой! Скажи мне в лицо — кто! Кто про меня сплетничает?! — взревела Юань Цзинцуй, окончательно теряя лицо.

Она привыкла жить на широкую ногу и очень дорожила своим положением. Позор перед всей деревней, обвинения в том, что она обкрадывала сироту — это лишало её сна.

Су Лин и не думал ничего объяснять. Он ведь и впрямь всё выдумал, но в деревне не бывает людей, о которых бы не судачили.

Видя, что юноша уходит, женщина бросилась следом, намереваясь силой схватить его за плечо, но внезапно споткнулась о выставленную ногу стоявшего рядом мужчины.

С глухим стуком она повалилась на камни. Звук был таким, что у присутствующих невольно сжалось сердце.

У Су Лина дрогнули кончики ушей. Увидев тётку, распластавшуюся на земле с перекошенным от боли лицом, он одарил Су И исполненным признательности взглядом.

«Будь у меня побольше денег, я бы обязательно выписал ему награду» — подумал он.

Заложив руки за спину, Су Лин гордо зашагал прочь, не обращая внимания на стоны позади. Дойдя до каменного брода, он начал переправляться через реку. Видимо, ссора отняла у него слишком много сил — когда он взглянул на бурлящие потоки воды, в желудке всё перевернулось, вызвав приступ тошноты.

— Ах ты, бесстыжая тварь! — выкрикнула Юань Цзинцуй, в запальчивости забыв о всякой осторожности. — Нагулял ребёнка от дикаря, а теперь ещё и вид строишь!

<http://bllate.org/book/15320/1354520>